

Петербург в авангарде демографического перехода в России

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Петербург в авангарде демографического перехода в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 709–732. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.303>

В пореформенной России начался демографический переход — замена традиционного типа воспроизводства населения современным, в результате чего неустойчивое равновесие между стихийной (неуправляемой) высокой рождаемостью и высокой смертностью сменялось новым равновесием между управляемой низкой рождаемостью и низкой смертностью. У значительной части населения произошла рационализация демографического поведения, улучшились демографические показатели, повысилась эффективность воспроизводства населения, гуманизировались внутрисемейные отношения, получил развитие — преимущественно в городах — индивидуальный контроль над рождаемостью. В 1911–1915 гг. для поддержания стабильной численности населения каждая женщина должна была рожать в полтора раза меньше девочек по сравнению с 1840–1850-ми гг., когда воспроизводство населения стало эффективнее в полтора раза. Демографический переход начался раньше, чем принято думать. И произошло это у горожан Петербургской губернии, где явные признаки ограничения рождаемости, а также снижения смертности и брачности обнаружались уже в первой половине XIX в. Губерния оказалась в лидерах потому, что являлась самой урбанизированной и одной из самых космополитичных, а Петербург — самым космополитичным городом России, имевшим интенсивные экономические и культурные связи с Западом, где демографический переход проявился уже в конце XVIII в. во Франции. Во второй половине XIX в. он распространился на все городское население России, а на рубеже XIX и XX вв. — и на все сельское население, но в разной степени в отдельных губерниях. Демографический переход в России проходил по французскому варианту, захватив сразу и рождаемость, и смертность, но смертность в несколько большей степени, что привело к увеличению естественного прироста населения. Улучшение демографических показателей произошло в результате прогресса медицины и санитарии, расширения бесплатной медицинской помощи, повышения культурного уровня населения, изменения демографического менталитета и начавшегося регулирования рождаемости, а также благодаря повышению уровня жизни широких слоев населения.

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Boris N. Mironov — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 20-09-00353 «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование».

This research was supported by the grant No. 20-09-00353 from Russian Foundation for Basic Research “The disintegration of the Soviet Union in the human dimension: An interdisciplinary study”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Ключевые слова: демографический переход, Санкт-Петербургская и Московская губернии, позднимперская Россия, традиционный и современный типы воспроизводства населения, рождаемость, смертность, брачность, улучшение демографических показателей, контроль над рождаемостью.

Saint Petersburg at the Forefront of Demographic Transition in Russia

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. Saint Petersburg at the Forefront of Demographic Transition in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 709–732. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.303> (In Russian)

In post-reform Russia, a demographic transition began — a replacement of the traditional type of population reproduction with the modern one. A significant part of the population had rationalized demographic behavior; demographic indicators had improved; the efficiency of population reproduction had increased; intra-family relations had been humanized; and individual birth control had been developed — mainly in cities. The demographic transition began earlier than is commonly thought — among the townspeople of the Saint Petersburg province, where obvious signs of birth control and a decrease in mortality and marriage were already revealed in the first half of the 19th century. The province was in the lead because it was the most urbanized and one of the most cosmopolitan, and Saint Petersburg was the most cosmopolitan city in Russia, which had intensive economic and cultural ties with the West, where demographic transition had already begun at the end of the 18th century in France. In the second half of the 19th century, it spread among the entire urban population, and at the turn of the 19th–20th centuries — among the entire rural population of Russia, but to varying degrees in individual provinces. Demographic indicators had improved because of the progress of medicine and sanitation, the expansion of free medical care, an increase in the cultural level of the population, a change in demographic mentality, and the beginning of birth control, as well as due to an increase in the standard of living of the general population.

Keywords: demographic transition, Saint Petersburg and Moscow provinces, late Imperial Russia, traditional and modern type of population reproduction, fertility, mortality, nuptiality, improvement of demographic indicators, birth control.

Демографическим переходом называется смена типа воспроизводства населения с традиционного на современный, в результате чего неустойчивое равновесие между стихийной, то есть неуправляемой, высокой рождаемостью и высокой смертностью сменяется новым равновесием между управляемой низкой рождаемостью и низкой смертностью. Новое равновесие достигается при помощи гибких и активных демографических отношений, подразумевающих автономное демографическое поведение семьи и индивида. Падение рождаемости происходит вследствие ее сознательного ограничения, а снижение смертности — благодаря развитию медицины, здравоохранения и установлению индивидуального и общественного контроля над смертностью. В результате перехода демографический процесс из стихийного, сильно зависящего от внешних факторов природного и социального характера (неурожай, голод, эпидемии, недоедание, антисанитария, болезни, травматизм), трансформируется в управляемый, поддающийся планированию и регулированию; воспроизводство новых поколений становится более эффективным и дешевым. Жизненный цикл человека рационализуется: бóльшая и лучшая

часть жизни отдается не добыче средств для прокормления детей, половина из которых умирало до 5 лет, а профессиональной деятельности и общественной работе, культурному досугу, саморазвитию, путешествиям и др. Новая репродуктивная стратегия оказала значительное влияние на общество, затронув все стороны жизни людей, включая систему ценностей, нормы человеческого поведения и социального контроля¹. «И по своей сути, и по своим последствиям он (демографический переход. — Б. М.) представляет собой подлинную революцию, которая кардинально обновляет, модернизирует тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений»².

В Европе демографический переход проходил по двум схемам. В большинстве стран он начинался со снижения смертности, вызывавшего демографический взрыв, который примерно через 100 лет приводил к снижению рождаемости и установлению нового равновесия. По второй, *французской схеме* смена режимов рождаемости и смертности начиналась и проходила почти параллельно, в силу чего страна не сталкивается с демографическим взрывом. Демографический переход в Западной Европе начался на рубеже XVIII и XIX вв., а завершился в основном в начале XX в.³

В большинстве отечественных работ концепция демографического перехода не выступает в роли методологического инструмента для исторических интерпретаций. Однако переход признается общероссийской тенденцией демографического развития во второй половине XIX — XX в. Если завершение демографического перехода в России исследователи почти единодушно относят к середине XX в., то относительно его генезиса мнения разошлись. Одни считают, что он начался в конце XIX — начале XX в.⁴ Другие не видят его признаков у крестьянства великорусских губерний даже в 1900-х гг., если не считать робких проявлений в двух столичных и некоторых «подстоличных» губерниях⁵. На наш взгляд, в Европейской России начало демографической модернизации можно отнести к середине XIX в.⁶ Наиболее активно проблема демографического перехода изучается сибирскими истори-

¹ Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo Sapiens* // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 7–33. — Теория демографического перехода обладает высокой эвристической ценностью и считается ведущим методологическим инструментом современных историко-демографических исследований. См.: Баранов Е. Ю. Современные концепции демографической истории России в XX веке // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 215–221.

² Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006. С. 9.

³ Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М., 2005. С. 165–166.

⁴ Это мнение многие исторические демографы принимают как внеисточниковое знание. См.: Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 471–488; Жиромская В. Б. Демографический переход в России и его особенности // Население России в XX веке: в 3 т. Т. 3, ч. 1. М., 2005. С. 269–278; Жиров Н. А. Демографическая история Орловской губернии в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. С. 280–286; Федорук Н. С. Население Новгородской губернии в XIX — начале XX в.: численность, демографические процессы, социальная структура. Великий Новгород, 2016. С. 311–313.

⁵ Канищев В. В. Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX — первой трети XX в.: современные методы исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 215, 218.

⁶ Миронов Б. Н.: 1) Демографическая загадка: уменьшение численности помещичьих крестьян в России первой половины XIX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 164–176; 2) Российская империя: от традиции

ками⁷. Так, в 1990-х гг. В. А. Зверев выдвинул аргументированное положение о том, что в последней трети XIX в. в регионе стали складываться предпосылки, а на рубеже XIX и XX вв. вслед за Европейской Россией наблюдались признаки начала демографической модернизации; в городах они проявились четче, чем в уездах⁸. Демографический переход «смазывался» колонизацией, Русско-японской войной и бурными социально-экономическими и политическими событиями начала XX в.⁹ Эти выводы были поддержаны и развиты на материале о городском населении Западной Сибири В. А. Скубневским и Ю. М. Гончаровым¹⁰, на данных о крестьянстве А. Н. Сагайдачным¹¹ и рядом других сибирских историков. Их оспорил В. А. Исупов, считая попытки перехода к новому типу воспроизводства населения в Западной Сибири до 1942–1943 гг. безрезультатными. Он подверг сомнению и вывод о его начале в Европейской России на рубеже XIX и XX вв.¹² Таким образом, демографический переход является дискуссионной проблемой. Для периода империи проблема анализировалась на всероссийском или губернском уровне применительно либо ко всему населению, либо только к сельскому, поэтому мы не знаем, как он проходил в городах.

Настоящая статья посвящена демографическому переходу в Европейской России. Ее объектом является городское и сельское население Санкт-Петербургской и Московской губерний, которые изучаются на фоне 50 губерний Европейской России. Возможен и другой подход — изучать Петербургскую губернию на фоне 49 губерний (50 губерний без Петербургской), Московскую губернию на фоне 49 губерний (50 губерний без Московской) или обе столичные губернии вместе на фоне 48 губерний (50 губерний без Петербургской и Московской). На наш взгляд, такая методика усложняет расчеты и мало нового дает в содержательном отношении, потому что выводы, в принципе, будут теми же. Поскольку цель статьи состоит в сравнении Петербургской и Московской губерний по отдельности с Европейской Россией в целом, то логичным представляется избранный нами подход. Таким об-

к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2018. С. 570–594; 3) Социальная мобильность российского купечества в XVIII — начале XIX века // Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин, 1977. С. 207–217.

⁷ Дискуссия сибирских историков подробно освещена в капитальной монографии В. А. Зверева, являющей собой редкий пример комплексного междисциплинарного анализа воспроизводства населения в совокупности его физической и социокультурной составляющих (естественное и механическое движение населения, социализация подрастающих поколений). См.: *Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода.* Новосибирск, 2014. С. 33–40.

⁸ Там же. С. 273–276.

⁹ *Зверев В. А. На закате империи, на заре демографической модернизации (1897–1917 гг.) // Демографическая история Западной Сибири (конец XIX — XX в.).* Новосибирск, 2017. С. 32–71.

¹⁰ *Гончаров Ю. М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2009. С. 109–121; Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство.* Барнаул, 2007. С. 67–93, 227–228.

¹¹ *Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.* Новосибирск, 2000. С. 32–33.

¹² *Исупов В. А.:* 1) К вопросу о начальном этапе демографического перехода в Сибири // *Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве.* Новосибирск, 2009. С. 96; 2) К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2010. № 1. С. 12–16; 3) *История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е годы) // Исторический курьер.* 2020. № 1 (9). С. 143.

разом, в статье изучается население двух столичных губерний по отдельности на фоне Европейской России в целом.

В анализе используются более тонкие и совершенные (по сравнению с обычно применяемыми в отечественной исторической демографии) показатели: возрастные и стандартизированные коэффициенты рождаемости и смертности, коэффициенты суммарной рождаемости, нетто- и брутто-коэффициенты и цена простого воспроизводства населения.

Состояние источников позволяет построить погодные динамические ряды рождаемости, смертности и брачности за 1859–1913 гг. для сельских и городских жителей. Численность сельского и городского населения по годам за 1859–1913 гг. можно определить путем интерполяции по имеющимся сведениям за реперные годы (1856, 1863, 1870, 1885, 1897, 1910 гг.). При работе с демографическими данными XVIII — начала XX в. следует помнить слова крупнейшего российского статистика и демографа середины XIX в. П. И. Кеппена (1793–1864): «При настоящем положении статистики неуместно было бы доискиваться крайней точности... и 5 % более или менее, конечно, не заслуживают внимания»¹³. Приблизительность демографических сведений для второй половины XIX — начала XX в. отмечал другой выдающийся российский демограф — С. А. Новосельский (1872–1953): «Ввиду отсутствия в России правильных переписей населения данные о росте населения представляются гадательными»; «о росте городского населения в России сколько-нибудь точных сведений не имеется»; «ввиду приблизительности данных, все (демографические. — Б. М.) коэффициенты также приблизительно»¹⁴. В силу этого наш анализ может дать *приблизительно верную картину*: тенденции будут определены правильно, но точность всех показателей будет относительной или ориентировочной.

Начнем анализ с рождаемости. Погодные демографические показатели зависели от капризов погоды, урожая, экспорта сельскохозяйственных продуктов и других факторов и колебались по годам весьма значительно. Но в прихотливой вариации просматривается тренд — понижение рождаемости. Средние пятилетние показатели *общих* коэффициентов рождаемости (число рождений на 1000 человек населения) его четко обнаруживают (табл. 1). Важно отметить, что во всех приведенных в настоящей статье таблицах статистика рождаемости учитывала только живорожденных.

В пореформенный период рождаемость повсеместно уменьшалась, причем как в деревне, так и в городе. С 1859–1863 по 1911–1913 гг. в столичных губерниях она упала больше, чем в Европейской России, у сельского населения больше, чем у городского. Вследствие этого произошло выравнивание рождаемости между губерниями, а также между селом и городом. Общие коэффициенты рождаемости в городе, как правило, были *ниже*, чем в деревне, в среднем за весь изучаемый период на 9 %. Это парадокс, поскольку доля женщин фертильного возраста, 15–49 лет, в городах была существенно выше, чем в деревне: в 1897 г. в Петербургской губернии — на 16 %, в Московской — на 15 %, в Европейской России — на 7 % (табл. 2).

¹³ Кеппен П. И. Несколько слов по поводу ведомости о народонаселении России, составленной при Статистическом отделении Совета МВД. СПб., 1850. С. 4.

¹⁴ Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств за 1916 г.: в 2 ч. Ч. 2. Пг., 1916. С. 16, 17, 36.

Таблица 1. Общие коэффициенты рождаемости (‰) у сельского и городского населения в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России в 1859–1913 гг.

Годы	Петербургская			Московская			Россия		
	Село	Город	Итого	Село	Город	Итого	Село	Город	Итого
1859–1863	45	37	41	55	50	54	51	46	50
1861–1865	45	37	41	54	49	51	50	51	51
1867–1870	43	33	37	54	49	49	50	46	50
1871–1875	44	31	38	52	45	47	51	40	51
1876–1880	43	32	36	48	40	45	50	37	49
1881–1885	40	32	38	49	39	45	52	42	51
1886–1890	38	33	35	49	39	45	52	37	50
1891–1895	37	31	33	51	33	43	51	36	49
1896–1900	38	31	34	53	34	44	51	39	49
1901–1905	38	33	34	52	37	45	49	40	48
1906–1910	36	31	33	47	40	44	47	39	46
1911–1913	32	29	31	44	35	41	44	33	44

Подсчитано по: Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. 1. СПб., 1871. С. 53–67; Движение населения в Европейской России за [1860–1913] год. СПб., 1861–1916; Отчет о состоянии народного здоровья за [1896–1914] год. СПб., 1898–1916; *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных... С. 36–37.

Таблица 2. Возрастная структура лиц женского пола (%) в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России в 1897 г.

Возраст, лет	Петербургская		Московская		Россия	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
До 1 года	2,5	3,3	2,4	3,5	2,8	3,7
1–9	14,1	23,1	12,7	21,7	18,0	24,1
10–19	15,8	19,9	16,9	19,4	20,7	21,5
20–29	22,6	14,5	22,2	15,0	18,5	15,7
30–39	18,1	12,6	17,8	12,5	14,3	12,1
40–49	11,6	9,5	12,1	10,2	10,3	9,2
50+	15,3	17,1	15,9	17,7	15,4	13,7
<i>Итого</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
15–49	66,3	45,7	62,3	46,9	54,2	47,2

Подсчитано по: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. Т. 1. СПб., 1905. С. 36–55.

Парадокс может объясняться значительным перевесом в городах мужского населения над женским, концентрацией в них значительного числа рабочих и нижних воинских чинов, проживающих без своих семей. В городах, имеющих сходство

с уездами с точки зрения гендерной, семейной и профессиональной структуры населения, рождаемость была выше, чем в деревне¹⁵. Вследствие разного половозрастного состава городского и сельского населения (как в отдельных губерниях и городах, так и в целом по Европейской России) по общему коэффициенту рождаемости нельзя правильно оценить *действительную плодовитость женщин*, то есть такую, которая не зависит от влияния половозрастной структуры. Это может сделать *общий коэффициент фертильности*, или *коэффициент суммарной рождаемости* (далее КСР), — среднее число детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода. Табл. 3 показывает, как изменилась суммарная рождаемость во второй половине XIX в.¹⁶

В 1859–1897 гг. коэффициент суммарной рождаемости у *сельского населения* Европейской России и столичных губерний находился примерно на одном уровне — крестьянки за свою жизнь рожали примерно 7 раз¹⁷. Однако у *горожанок* КСР существенно понизился: в Петербургской губернии — с 5,2 до 4,0; в Московской — с 6,9 до 4,4; в Европейской России в целом — с 6,3 до 5,3. *Столь существенное уменьшение реальной рождаемости свидетельствует о начале ее регулирования*. Изменилась также разница между суммарной рождаемостью в городе и деревне. В 1859–1863 гг. суммарная рождаемость в деревне в целом по Европейской России была в 1,14 раза выше, чем в городе, в Петербургской губернии — в 1,31 раза, в Московской — в 1,11 раза. Через полвека различие между городской и сельской рождаемостью везде возросло, но более всего в Московской губернии (с 1,11 до 1,61), где оно в 1859–1863 гг. было минимальным, и менее всего в Петербургской губернии (с 1,31 до 1,39), где оно было максимальным. В среднем по Европейской России различие между городской и сельской рождаемостью увеличилось с 1,14 до 1,39. К 1897 г. Московская и Петербургская губернии почти сравнялись по уровню общей рождаемости — Москва догнала Петербург. Но рождаемость у сельского населения Московской губернии не изменилась и в 1897 г. находилась на уровне 1850-х гг. Крестьянки Московской губернии, как и Европейской России в целом, по-прежнему рожали 7 раз за жизнь. Поскольку *естественная* плодовитость горожанок и крестьянок была одинаковой, напрашивается вывод, что *уже до Великих реформ в городах началось ограничение рождаемости и бесспорным лидером в этом была Петербургская губерния*. При этом в городах, в первую очередь в Петербурге, суммарная рождаемость уступала сельской в 1,39 раза. Таким образом, превосходство сельской рождаемости над городской объяснялось использованием контрацепции, а не различием в половозрастной структуре городского и сельского населения.

Почему Петербургская губерния оказалась в лидерах? Во-первых, с начала XVIII в. Петербург являлся самым космополитичным городом России. В 1897 г. доля нерусских в нем составляла 14%; 80,4 тыс. горожан имели западноевропейское происхождение и относились преимущественно к протестантам. В уездах нерусские составляли еще больше (26%), среди них более 150 тыс. финских, эстонских и немецких колонистов, также главным образом протестантов. Протестанты и ка-

¹⁵ Военно-статистический сборник. С. 66; Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 3. С. 508–509.

¹⁶ КСР подсчитывается следующим образом: среднее число детей, рожденных одной женщиной фертильного возраста (15–49 лет) за один год, умножается на длину фертильного периода, равного 35 годам. Например, за свою жизнь горожанки Петербургской губернии в 1859–1863 гг. рожали 5,2 раза: $0,148 \times 35 = 5,2$.

¹⁷ Без учета мертворожденных.

**Таблица 3. Коэффициент суммарной рождаемости среди женщин в возрасте 15–49 лет
в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России
в 1859–1863 и 1896–1900 гг.**

Показатель	Петербургская			Московская			Европейская Россия		
	Город	Село	Итого	Город	Село	Итого	Город	Село	Итого
1859–1863 гг.									
Родилось в среднем в год, тыс.	23,1	23,8	46,9	20,5	61,9	82,4	275,3	2746,6	3021,9
Среднегодовое число женщин 15–50 лет, тыс.	156	122	278	103	280	383	1518	13 235	14 753
Число детей, рожденных одной женщиной в год	0,148	0,195	0,169	0,199	0,221	0,215	0,181	0,208	0,205
Число детей, рожденных одной женщиной за 35 лет	5,2	6,8	5,9	7,0	7,7	7,5	6,3	7,3	7,2
Соотношение рождаемости в городе и селе (за единицу принят город)	1,00	1,32	1,14	1,00	1,11	1,08	1,00	1,15	1,13
Соотношение рождаемости в столичных губерниях и России (за единицу принята Россия)	0,82	0,94	0,82	1,10	1,06	1,05	1,00	1,00	1,00
1896–1900 гг.									
Родилось в среднем в год, тыс.	45,7	26,7	72,4	38,5	70,3	108,8	474,3	4240	4714,3
Среднегодовое число женщин 15–50 лет, тыс.	397	167	564	305	346	651	3134	20 216	23 350
Число детей, рожденных одной женщиной в год	0,115	0,160	0,128	0,126	0,203	0,167	0,151	0,210	0,202
Число детей, рожденных одной женщиной за 35 лет	4,0	5,6	4,5	4,4	7,1	5,8	5,3	7,4	7,1
Соотношение рождаемости в городе и селе (за единицу принят город)	1,00	1,39	1,11	1,00	1,61	1,33	1,00	1,39	1,34
Соотношение рождаемости в столичных губерниях и России (за единицу принята Россия)	0,76	0,76	0,63	0,83	0,97	0,83	1,00	1,00	1,00
Изменение рождаемости за 1859–1897 гг. (по отношению к 1859–1863 гг.)	0,78	0,82	0,76	0,63	0,92	0,78	0,83	1,01	0,99

Подсчитано по: Военно-статистический сборник. С. 53–67; Движение населения в Европейской России...; Отчет о состоянии народного здоровья за [1896–1914] год; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных... С. 36–37.

толики придерживались западноевропейской модели брачности, для которой были характерны поздние браки (возраст невест превышал 25 лет, женихов — 27 лет) и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке (минимум 9–10 % и в ряде случаев более 15 %), что представляло собой мягкую форму ограничения рождаемости¹⁸. В последней трети XIX в. протестанты стали применять разные средства контрацепции. Вследствие этого рождаемость у них была ниже, чем у православных, например в 1897 г. на треть — 26 % против 36 %¹⁹. Во-вторых, Петербургская губерния являлась самой урбанизированной в империи и имела самые интенсивные экономические и культурные связи с Западом, где демографический переход начался уже в конце XVIII в. во Франции. Московская губерния была менее космополитичной (в губернии доля нерусских равнялась лишь 2,4 %, а в Москве — 5 %) и менее урбанизированной, чем, вероятно, объяснялся более высокий уровень рождаемости в ней, особенно в уездах.

Факторами падения рождаемости в России конца XIX — начала XX в. считаются снижение брачности, уменьшение детской смертности, эмиграция и распространение контрацепции²⁰. Действительно, брачность понижалась, но неустойчиво и незначительно, за исключением городов Московской губернии, где она аномально для России упала на четыре промилле, вероятно, по причине огромного наплыва крестьянских мигрантов в Москву (табл. 4). Но на селе в Московской губернии и Европейской России в целом, несмотря на снижение брачности, суммарная рождаемость не изменилась.

Таблица 4. Коэффициент брачности (%) в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России в 1859–1913 гг.

Годы	Петербургская			Московская			Европейская Россия		
	Село	Город	Итого	Село	Город	Итого	Село	Город	Итого
1861–1865	8,0	8,0	8,0	9,0	10,6	9,4	10,5	9,7	10,4
1867–1870	–	–	6,6	–	–	8,2	10,3	9,3	10,2
1871–1875	–	–	7,2	–	–	7,6	10,0	9,6	9,9
1876–1880	–	–	6,7	–	–	6,7	–	–	8,9
1881–1885	7,1	7,3	7,2	–	–	7,0	9,7	7,2	9,4
1886–1890	6,9	7,0	7,0	8,6	5,5	7,3	9,2	6,9	8,9
1891–1895	6,2	6,1	6,1	8,7	5,2	7,1	9,4	7,0	9,1
1896–1900	7,5	6,1	6,5	8,9	5,8	7,5	9,2	7,5	9,0
1901–1905	6,1	6,1	6,1	7,8	5,8	6,9	8,4	7,6	8,6
1906–1910	7,0	6,6	6,7	7,6	7,0	7,3	8,6	8,3	8,6
1911–1913	–	–	6,8	–	–	6,1	–	–	8,1

Подсчитано по: Военно-статистический сборник. С. 53–67; Движение населения в Европейской России...; Отчет о состоянии народного здоровья за [1896–1914] год; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных... С. 36–37.

¹⁸ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб, 2019. С. 263.

¹⁹ Движение населения в Европейской России за 1897 год. СПб., 1900. С. 14–15, 55, 92–93.

²⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 153; Новосельский С. А. Демография и статистика (избранные произведения). М., 1978. С. 127.

Снижение брачности обычно сопровождается ростом безбрачия и более поздним вступлением в брак. Однако в пореформенной России доля лиц, воздержавшихся от брака, изменилась мало, составляя около 3–4 % у сельского населения и около 11–12 % у городского²¹. Средний возраст вступления в брак с 1867 по 1910 г. увеличился только на 5 месяцев. При этом, в отличие от деревни, в городах средний возраст вступающих в брак мужчин понизился (табл. 5), а рождаемость снизилась больше, чем в уездах. Все это свидетельствует о слабом влиянии динамики брачности на снижение рождаемости.

Таблица 5. Средний возраст (лет) брачующихся в Европейской России в 1867 и 1910 гг.

Пол	Год	Город	Село	Итого	Петербург
Мужчины	1867	29,2	24,3	24,8	31,3
	1910	27,4	24,8	25,2	28,6
Женщины	1867	23,6	21,3	21,5	25,5
	1910	23,7	21,6	21,9	23,9

Составлено по: Движение населения в Российской империи за 1867 год. СПб., 1872. С. 40–407, 412–415; Движение населения в Российской империи за 1910 год. Пг., 1916. С. 88–89.

Высокая младенческая смертность в изучаемое время способствовала росту рождаемости, так как смерть младенца провоцировала быстрое наступление новой беременности и рождения²². Однако реальное понижение младенческой смертности началось в 1897 г. (табл. 6), а брачность снижалась с 1860-х гг.

Таблица 6. Смертность детей в возрасте до 1 года в Европейской России в 1867–1911 гг. на 1000 родившихся

Годы	%	Годы	%	Годы	%
1867–1871	267	1882–1886	271	1897–1901	260
1872–1876	273	1887–1891	269	1902–1906	253
1877–1881	270	1892–1896	275	1907–1911	244

Источник: Новосельский С. А. Обзор главнейших данных... С. 65–66.

Кроме того, именно в столичных губерниях, где наблюдалось самое серьезное снижение рождаемости, младенческая смертность, хотя и уменьшалась, оставалась выше, чем в целом по Европейской России: в 1867–1881 гг. — в 1,4 раза, в 1886–1897 гг. — в 1,3 раза, а в 1908–1910 гг. — в 1,2 раза²³. Это говорит о том, что и динамика детской смертности не могла служить важным фактором падения рождаемости.

²¹ Толыч М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 139–140.

²² Новосельский С. А. Демография и статистика. С. 146, 149.

²³ Подсчитано по: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М., 1956. С. 195.

Эмиграцию также нельзя считать серьезной причиной снижения рождаемости. Она стала уменьшаться задолго до того, как эмиграция приняла значительные масштабы в начале XX в. Кроме того, до 1890-х эмиграция компенсировалась иммиграцией и реэмиграцией на 100 %, а в 1891–1920 гг. — на 60 %²⁴.

Из перечисленных факторов падения рождаемости остается *контрацепция*. Широко бытует представление, что в России регулирование рождаемости практиковалось крайне редко и почти исключительно привилегированными слоями населения с конца XIX в. Но свидетельства о применении женщинами ограничительных средств встречаются уже в древнерусских памятниках XI–XVII вв. На исповеди священники спрашивали женщин: «Не травила ли младенца во утробе? Не убила ли младенца во утробе?» Мужчин призывали покаяться за уклонения (они перечислялись в составленных монахами вопросниках для исповеди) от безгрешного способа полового акта (муж должен любить жену, лежа на ней сверху), к которым обращались, чтобы воспрепятствовать зачатию. В вопроснике начала XVIII в. рекомендовалось непременно спросить: «Муж жену на себя пуская, аще ли семена изыдут?» (т. е. не вступал ли муж в половой контакт с женой после извержения семени?)²⁵ Это свидетельствует о том, что в те времена использовался считавшийся грешным *coitus interruptus*.

Недостаток информации об ограничении рождаемости объясняется тем, что по духовным законам все средства предотвращения беременности считались грехом и по церковному уставу наказывались длительной епитимьей. Например, за изгнание плода зельем грозило наказание сроком от 5 до 15 лет. По светскому законодательству за аборт ответственности подлежали не только пациенты, но и врачи. Согласно Уложению о наказаниях 1845 г., действовавшему до начала XX в., плодизгнание приравнивалось к детоубийству и наказывалось каторжными работами на срок от 4 до 10 лет. Ввиду этого использование любых способов предотвращения беременности женщины тщательно скрывали вплоть до 1920-х гг.²⁶

Во второй трети XIX — начале XX в. высокая рождаемость стала актуальной общественной проблемой. Информации по этому вопросу стало намного больше, но, вероятно, большинство из применявшихся в то время методов ограничения рождаемости использовались и раньше (вопрос лишь в том, в каких масштабах). По сведениям корреспондентов Русского географического общества, в каждом селении имелись «специалисты» в данном деле. Выкидыш вызывался механическим путем (прыжки и тугое бинтование, интенсивное разминание живота и трясение всего тела, поднятие тяжестей и т. п.), лекарствами (от трав до фосфора и ртути, употребляемых внутрь). В ход шли жестяные кружочки и сулема. Для предотвращения беременности женщины после любовной связи пили ложку воды с порошком, обмывали руки своей мочой²⁷. Распространенным средством было увеличение лак-

²⁴ Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVII — начале XX века. М., 1998. С. 116.

²⁵ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви: в 3 т. Т. 3. Одесса, 1894. С. 156–296; Корогодина М. В. Исповедь в России в XVI–XIX вв.: исследование и тексты. СПб., 2006. С. 158–163.

²⁶ Синкевич Г. П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. М., 1929. С. 46.

²⁷ Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-м следственном участке Чебоксарского уезда. 1871 г. // Архив Русского географического общества. Разр. 14. Казанская губерния. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–90; Афиногенов А. О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб.,

тационного периода «далее пределов законных — двух великих постов», т. е. более двух лет²⁸. Продление лактации широко практиковалось вплоть до 1920-х гг. Указанный способ до некоторой степени защищал женщин от новой беременности, поскольку, по сведениям русских врачей, около 80 % женщин не имели менструаций при кормлении грудью. Другие весьма несовершенные средства также давали некоторый эффект²⁹. С 1880-х гг. в селах, особенно пригородных, входили в обиход аборт, производимые знахарками и бабками³⁰. Горожане узнали об абортах раньше³¹. К началу XX в. ассортимент противозачаточных средств увеличился: презервативы, противозачаточные колпачки, маточные кольца, вагинальное спринцевание, свечи, календарный способ. Обследование 2150 студентов Московского университета в 1904 г. показало, что меры для предотвращения беременности применяли 57 % (25 % — прерванное сношение, 16 % — презервативы, 15 % — другие методы)³². Популярное пособие К. И. Дрекслера в 1907–1914 гг. выдержало семь изданий³³.

В 1860-х гг. появляются многочисленные свидетельства современников о том, что женщины, имеющие детей, стремятся избежать зачатия и беременности, и количество таких показаний со временем росло. Увеличение числа подкидышей служит показателем увеличения количества нежеланных детей. Как показывают сведения о ежегодном поступлении подкидышей в самые большие воспитательные дома империи — Санкт-Петербургский и Московский — в 1791–1910 гг., за 120 лет численность подкидышей выросла в 5,8 раза, а население России — в 2,9 раза³⁴.

Годы	1791–1800	1841–1850	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910
Количество подкидышей, чел.	3342	13092	20169	24298	17785	19218

Снижение численности подкидышей в 1891–1910 гг. объяснялось исключительно ограничениями на их прием, что сразу уменьшило их число.

1903. С. 57; *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 327.

²⁸ *Гиляровский Ф. В.* Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866. С. 50.

²⁹ *Пилсудский Б. О.* Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев острова Сахалина // Живая старина. Год XIX. 1910. № 73–74. С. 14–16.

³⁰ *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 57, 99. — По отчетности родильного и гинекологического отделений Тамбовской губернской земской больницы, в среднем на каждые 100 крестьянских крещеных новорожденных приходилось 35–40 выкидышей. В. Л. Дьячков называет их самопроизвольными, но вполне возможно, что часть из них были искусственными, то есть абортами. См.: *Дьячков В. Л.* Труд, хлеб, любовь и космос, или О факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX — начале XX в. // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Тамбов, 1999. С. 74.

³¹ *Чухнин П. Н.* К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения России // Труды V съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова: в 2 т. Т. 1. СПб., 1894. С. 533.

³² *Членов М. А.* Половая перепись московского студенчества // Русский врач. 1907. № 31–32. С. 1072–1111.

³³ *Дрекслер К. И.* Предохранительные средства в современном браке, или как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборт. 11-е изд. Минск, 1929. — Впервые издано в 1907 г., до 1914 г. вышло семь изданий под разными названиями.

³⁴ *Ransel D. L.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. P. 303–308.

Итак, во второй половине XIX — начале XX в. сотни тысяч русских женщин стали задумываться об облегчении бремени материнства, и у них была информация, как это делать. Демографическая статистика свидетельствует, что знания применялись, правда, до начала XX в. главным образом в городах. Это может вызвать недоумение, поскольку около половины горожан являлась крестьянами, тесно связанными с деревней. Отставание деревни объяснялось тем, что цензура нравов в ней оставалась очень строгой и нарушители традиционной нравственности подвергались наказанию. Более свободные в своем поведении горожане в пореформенное время использовали контрацепцию и добились в этом значительных успехов: в 1896–1900 гг. суммарная сельская рождаемость в 1,39 раза превышала городскую.

Среди российских губерний в авангарде шла Петербургская, в которой общая рождаемость горожан уже в 1859–1863 гг. была на уровне, достигнутом всем городским населением Европейской России через 40 лет, на рубеже XIX и XX вв. Обусловливалось это, вероятно, тем, что столица империи являлась самым космополитичным, прозападным и культурным городом России. Характерно, что регулирование практиковалось только в городах. В середине XIX в. даже в Петербургской губернии крестьянки в среднем рожали 7 детей, как и крестьянки в целом по Европейской России (табл. 8). К концу XIX в. регулирование рождаемости охватило другие города; Москва сравнялась с Петербургом, а остальные города догнали столицу середины XIX в. Крестьянки Петербургской губернии в 1896–1900 гг. сравнялись с петербурженками 1859–1863 гг. Следовательно, лаг между городом и деревней составил примерно 40 лет.

Ограничение рождаемости в массовом порядке, возможно, началось в столице еще на рубеже XVIII и XIX вв., как во Франции, поскольку рождаемость в Петербурге в 1781–1860 гг. была настолько низкой, что не обеспечивала даже простого воспроизводства населения — естественный прирост являлся отрицательным (табл. 7).

Таблица 7. Коэффициент естественного движения (‰) населения Петербурга за 1764–1860 гг.

Годы	Родилось	Умерло	Прирост	Годы	Родилось	Умерло	Прирост
1764–1770	31,9	29,2	2,7	1821–1830	21,5	21,7	–0,2
1771–1780	32,1	26,9	5,2	1831–1840	24,3	30,6	–6,3
1781–1790	30,5	31,4	–0,9	1841–1850	31,5	42,7	–11,2
1791–1800	32,3	31,5	0,8	1851–1860	34,4	42,5	–8,1
1801–1810	29,0	36,3	–7,3	1764–1860	29,1	32,0	–2,9
1811–1820	23,1	27,2	–4,1				

Источник: Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный статистический сборник: в 3 вып. Вып. 2 / под ред. И. И. Елисеевой, Е. И. Грибовой. СПб., 2003. С. 58–60.

Начало демографического перехода в России не было замечено исследователями по той причине, что уровень урбанизации в стране был низким: на долю горожан приходилось в первой половине XIX в. менее 10%, а к 1915 г. — 15%. В обще-

стве и науке урбанизации не придавалось большого значения, актуальным всегда являлся аграрный вопрос. Демографические процессы изучались в целом по стране, без выделения города и деревни, при таком подходе незначительные статистические данные о городе терялись в массиве сведений о деревне и понять специфику воспроизводства городского населения не представлялось возможным.

Рассмотрим теперь динамику смертности (табл. 8).

Таблица 8. Общие коэффициенты смертности (‰) у сельского и городского населения в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России в 1859–1913 гг.

Годы	Петербургская		Московская		Европейская Россия		Разница между селом и городом		
	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Петербург	Москва	Европейская Россия
1859–1863	40	36	52	42	36	38	4	10	–2
1861–1865	40	40	52	38	36	44	0	14	–8
1867–1870	46	36	46	39	38	38	10	7	0
1871–1875	47	30	52	34	37	37	17	19	0
1876–1880	44	34	44	35	35	33	10	9	3
1881–1885	39	35	45	34	37	35	5	10	1
1886–1890	31	28	43	33	36	28	3	10	7
1891–1895	31	26	43	30	37	30	5	13	8
1896–1900	29	26	41	29	34	29	3	12	5
1901–1905	29	26	39	29	31	29	3	9	2
1906–1910	27	26	33	31	30	30	1	2	0
1911–1913	23	22	30	26	27	24	0	3	3

Подсчитано по: Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. 1. С. 53–67; Движение населения в Европейской России за [1860–1913] год; Отчет о состоянии народного здоровья за [1896–1914] год; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных... С. 36–37.

В пореформенный период общая и особенно младенческая смертность с 1859–1863 гг. по 1911–1913 гг. снизились повсеместно и значительно, чем упала рождаемость³⁵. Снижение смертности происходило благодаря повышению жизненного уровня и улучшению питания³⁶. Важным фактором служил также рост общей культуры: за 1850–1913 гг. грамотность населения в возрасте старше 9 лет выросла в Европейской России с 15 до 40%. Чем больше было грамотных в губернии, тем ниже там были рождаемость и смертность. Коэффициент детерминации (равный квадрату коэффициента корреляции) между грамотностью крестьян (в процентах) и рождаемостью в 50 губерниях Европейской России (в промилле) в 1897 г. составил 0,49, между грамотностью и смертностью — 0,24, что можно интерпретировать

³⁵ Новосельский С. А.: 1) Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 180–187; 2) Обзор главнейших данных... С. 45–46.

³⁶ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 697–701.

так: уровень грамотности объяснял погубернскую вариацию рождаемости примерно на 49 %, а смертности — на 24 %. Естественно, что демографические показатели оказались лучше в наиболее грамотной Петербургской губернии, где в 1897 г. грамотных в городах было 63 %, а в уездах — 39 %, в то время как в Московской губернии — соответственно 56 и 27 %, в Европейской России — 49 и 19 %³⁷.

Расширение бесплатной медицинской помощи также способствовало улучшению демографической ситуации. За 1837–1913 гг. численность гражданских и военных врачей в России возросла с 6,8 тыс. до 28,1 тыс., или в 4,1 раза, а на 1000 человек населения — в 1,7 раза³⁸. Количество врачебных участков, оказывавших крестьянам бесплатную медицинскую помощь, выросло с 1870 г. по 1913 г. в 5,6 раза — с 530 до 2970³⁹. В 1912 г. в империи из 22 772 гражданских врачей в городах работали 72 %, в уездах — 28 %. По качеству и охвату населения медицинской помощью города превосходили сельскую местность, а столицы — другие российские города (табл. 9).

Таблица 9. Обеспеченность населения медицинским обслуживанием в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России в 1912 г.

Показатель	Петербургская		Московская		Европейская Россия		Петербург	Москва
	Город	Село	Город	Село	Город	Село		
Число жителей на одного гражданского врача	3100	4700	1800	5200	1300	19 400	850	900
Число жителей на врачебный участок	–	12 100	–	13 100	–	33 573	–	–

Подсчитано по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1912 год. СПб., 1914. С. 62–64.

Несмотря на успехи, Россия отставала по уровню смертности от наиболее развитых западноевропейских стран, о чем свидетельствовала средняя продолжительность предстоящей жизни. С 1838–1850 гг. по 1904–1913 гг. у новорожденных мальчиков православного вероисповедания она выросла с 25 до 32 лет, у девочек — с 27 до 35 лет⁴⁰. На рубеже XIX и XX вв. Россия отстала от наиболее продвинутых стран примерно на 100 лет, и преодолеть это отставание удалось лишь в 1950-е гг. (табл. 10).

В 1861–1913 гг. *общие* коэффициенты смертности в городе были ниже, чем в деревне, а в XVIII — первой половине XIX в., наоборот, в городе выше, чем в деревне: у горожан они варьировали от 40 до 60 ‰, у крестьян — от 30 до 40 ‰⁴¹.

³⁷ Миронов Б. Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62–95; Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. Т. 1. СПб., 1905. С. 43, 51.

³⁸ Ханьков Я. В. Очерк истории медицинской помощи в России. СПб., 1851. С. 86; Баткис Г. А., Лекарев Л. Г. Теория и организация советского здравоохранения. М., 1961. С. 43.

³⁹ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. С. 184.

⁴⁰ Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М., 1983. С. 61.

⁴¹ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 250. Приложение. Табл. 2.

Таблица 10. Средняя продолжительность предстоящей жизни (лет) при рождении в 1800–1950-х гг. в России и ряде других стран

Страна	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е
Россия	–	25,8	30	33,5	44,4	46,9	68,1
Австро-Венгрия / Австрия	–	–	–	40,1	–	57,0	64,5
Англия	–	42,4	45,5	53,4	57,6	60,8	70,3
США	–	41,0	43,5	50,6	58,7	63,7	69,9
Германия	–	–	46,6	49,1	57,4	61,4	66,5
Франция	39,6	39,8	47,0	50,5	54,2	58,8	68,1
Япония	–	–	43,6	44,5	44,2	48,3	66,2

Источники: Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 3. С. 753–756.

Отсюда можно было бы предположить, что после Великих реформ городская смертность снижалась быстрее, чем сельская, а значит, в городе условия жизни становились лучше, чем в деревне. Однако на самом деле реальная городская смертность была выше. *Общий* коэффициент смертности в городе оказался ниже вследствие специфической половозрастной структуры городского населения: в городе сравнительно с деревней проживало больше людей в тех возрастах, в которых смертность была ниже. Другими словами, низкий по сравнению с деревней *общий* коэффициент смертности в городе обуславливался исключительно более благоприятной возрастной структурой горожан. Если бы сельское население имело такую же возрастную структуру, то *общий* коэффициент смертности в деревне был бы выше, чем в городе. Ответить на вопрос, где смертность, *детерминированная условиями жизни*, была выше или ниже, позволяет *стандартизированный коэффициент смертности*, который устраняет влияние различий в половозрастной структуре городского и сельского населения⁴² (табл. 11).

В Москве стандартизированный коэффициент смертности был выше общего в 1,5 раза, в Петербурге — в 1,4; в крупных городах с населением более 100 тыс. — в 1,4; а во всех городах — в 1,2. Полученные данные свидетельствуют о том, что *действительная смертность, детерминированная условиями жизни, была выше в городах*, несмотря на лучшее, чем в сельской местности, медицинское обслуживание. Это, однако, не отменяет вывода о снижении реальной смертности среди городских жителей: она уменьшалась, но не стала ниже, чем среди крестьян. Если за стандарт взять возрастной состав всего населения Европейской России, то в 1897 г. у горожан стандартизированный коэффициент смертности превышал общий в 1,22 раза⁴³. Основываясь на этом соотношении, можно предположить, что стандартизированный коэффициент смертности городского населения уменьшился с 1859–1863 гг. по 1911–1913 гг. примерно с 46 до 29%. Оказалось также, что чем крупнее город, тем выше там была смертность (табл. 12).

⁴² При стандартизации повозрастные коэффициенты смертности реального населения перевешиваются по возрастной структуре стандарта.

⁴³ Новосельский С. А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. № 4. С. 59–60.

Таблица 11. Коэффициенты возрастной смертности мужчин (М), женщин (Ж) и стандартизированные коэффициенты смертности в Европейской России в 1897 г.*

Возраст, лет	Доля населения, %		Коэффициент возрастной смертности, ‰				Стандартизированный коэффициент смертности для обоих полов, ‰	
			Город		Село		Город	Село
	М	Ж	М	Ж	М	Ж		
0–4	7,53	7,60	146,8	127,1	141,5	122,7	20,71	19,98
5–9	6,04	6,14	12,3	11,2	13,1	12,9	1,43	1,58
10–14	5,60	5,64	5,3	4,9	5,4	5,6	0,58	0,62
15–19	4,85	5,27	6,2	5,4	5,5	6,1	0,58	0,59
20–24	4,04	4,31	6,4	7,5	7,8	7,7	0,58	0,65
25–34	6,71	7,16	10,3	9,3	7,5	8,6	1,36	1,12
35–44	5,48	5,66	16,6	11,7	9,9	10,8	1,57	1,15
45–54	3,92	4,18	25,7	16,5	16,9	15,8	1,70	1,32
55–64	2,75	2,90	43,1	29,5	30,2	32,4	2,04	1,77
65–74	1,44	1,55	75,0	58,7	62,7	65,8	1,99	1,92
75+	0,61	0,62	145,3	129,5	108,1	108,3	1,69	1,33
<i>Итого</i>	48,97	51,03	28,9	27,4	34,9	31,1	34,23	32,03

* За стандарт принята половозрастная структура всего населения 50 губерний Европейской России в 1897 г.

Источник: Новосельский С. А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. № 4. С. 58.

Таблица 12. Общие и стандартизированные коэффициенты смертности среди городского и сельского населения Европейской России в 1897 г.*

Категория населения	Коэффициент смертности, ‰	
	общий	стандартизированный
50 губерний Европейской России	32,32	32,32
Город	28,29	34,23
Сельская местность	32,91	32,03
Города с населением более 100 тыс.	26,82	36,75
Прочие города	29,14	33,53
Петербург	25,93	37,35
Москва	27,75	42,47

* За стандарт принята половозрастная структура всего населения 50 губерний Европейской России в 1897 г.

Источник: Новосельский С. А. О различиях в смертности... С. 58–60.

Установленный С. А. Новосельским факт, что городская смертность превышала сельскую, не был воспринят советской историографией. Во-первых, потому что стандартизированные коэффициенты не использовались историками. Во-вторых, потому что в 1956 г. известный исторический демограф А. Г. Рашин в своей популярной книге обнулил выводы С. А. Новосельского. Он писал: «С. А. Новосельский исходил в своем исследовании из данных 1897 г. Между тем за 17 лет (с 1897 по 1914 г.) произошли существенные изменения как в показателях смертности, так и в распределении городского населения по полу и возрасту. В результате указанных процессов, которые происходили не только в столицах, но и во многих других городах, состав населения крупных городов по полу и возрасту уже не так резко различался от соответствующего как для всего городского населения, так и для всего населения. В общем, признавая всю важность произведенного С. А. Новосельским исследования, мы полагаем, что, безусловно, самостоятельное и существенное значение представляют также и вышеприведенные сравнения коэффициентов смертности городского и сельского населения»⁴⁴.

На самом деле в 1898–1914 гг. половозрастные структуры городских и сельских жителей все более различались вследствие роста доли населения крупных городов (с числом жителей более 100 тыс.) во всем городском населении: в 1885 г. она составляла 26 %, в 1897 г. — 35 % и в 1914 г. — 50 %⁴⁵. Вместе с тем жители крупных городов и столиц мало различались по половозрастной структуре, а половозрастной состав населения столиц после 1897 г. изменялся незначительно. Например, в Петербурге коэффициент корреляции между долей годовых возрастных групп среди горожан в 1897 и 1910 гг. равнялся 0,991. Доля женщин за 1897–1910 гг. повысилась на 2 %, что увеличивало, а не уменьшало разницу в смертности в пользу деревни⁴⁶.

Теперь можно оценить естественный прирост населения (табл. 13).

Проведенный анализ показывает, что в пореформенный период в городе и деревне рождаемость и смертность снижались, но смертность быстрее, благодаря чему естественный прирост населения имел тенденцию увеличиваться, хотя и непрямолинейно. С 1859–1863 по 1911–1913 гг. в столичных губерниях он повысился больше, чем в Европейской России в целом: в Московской губернии — на 6,9 %, в Петербургской — на 5 %, в Европейской России — на 2,7 %. Чтобы оценить, насколько режим воспроизводства населения стал эффективнее, в демографии используются три показателя: брутто-коэффициент воспроизводства населения (среднее число девочек, рожденных женщиной в течение всей ее жизни); нетто-коэффициент воспроизводства населения (среднее число девочек, рожденных за всю жизнь женщиной и доживших до конца репродуктивного периода); цена простого воспроизводства (отношение брутто- и нетто-коэффициентов), показывающая, сколько девочек надо родить женщине, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения, или простую замену материнского поколения. Брутто-коэффициент оценивает рождаемость, нетто-коэффициент — смертность, цена простого воспроизводства служит мерой рациональности данного режима воспроизводства, или режима возобновления поколений. В Европейской России за 1851–1913 гг. брутто-

⁴⁴ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). С. 254.

⁴⁵ Там же. С. 105, 106, 110.

⁴⁶ Подсчитано по: Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный статистический сборник: в 3 вып. Вып. 2 / под ред. И. И. Елисеевой, Е. И. Грибовой. СПб., 2003. С. 21–24.

Таблица 13. Коэффициент естественного прироста населения (‰) в Санкт-Петербургской, Московской и 50 губерниях Европейской России в 1859–1913 гг.

Годы	Петербургская		Московская		Европейская Россия		Разница между селом и городом		
	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Петербург	Москва	Европейская Россия
1859–1863	5,0	0,8	3,6	8,1	14,8	8,5	4,2	-4,5	6,3
1861–1865	5,0	-2,8	1,5	11,4	14,2	6,9	7,8	-9,8	7,3
1867–1870	-3,1	-3,5	7,5	10,0	12,1	7,9	0,4	-2,4	4,2
1871–1875	-3,3	0,4	0,2	11,6	13,5	2,3	-3,7	-11,4	11,2
1876–1880	-0,6	-2,0	4,3	5,3	14,7	4,2	1,4	-1,0	10,5
1881–1885	1,0	-2,3	4,6	4,3	15,3	6,3	3,3	0,3	9,0
1886–1890	6,7	5,0	6,5	5,5	16,6	8,3	1,7	1,0	8,3
1891–1895	6,5	4,8	7,9	3,6	13,9	6,5	1,7	4,3	7,4
1896–1900	8,8	5,0	11,8	4,7	17,1	10,0	3,8	7,1	7,1
1901–1905	9,0	6,6	13,6	7,3	17,9	11,1	2,4	6,3	6,8
1906–1910	9,0	4,4	14,1	8,9	17,4	9,2	4,6	5,2	8,2
1911–1913	8,9	6,2	14,3	9,0	17,4	9,2	2,7	5,3	8,2

Подсчитано по: Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. 1. С. 53–67; Движение населения в Европейской России за [1860–1913] год. СПб.; Отчет о состоянии народного здоровья за [1896–1914] год; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных... С. 36–37.

коэффициент воспроизводства населения уменьшился с 3,261 до 3,089, а нетто-коэффициент вырос с 1,442 до 1,636, соответственно цена простого воспроизводства упала в 1,22 раза. Отсюда следует: хотя российские женщины стали рожать меньше, каждое новое поколение матерей численно увеличивалось. При этом замена материнских поколений проходила с меньшими затратами со стороны родителей⁴⁷.

По империи в целом с 1886–1890 гг., с того самого момента, когда смертность необратимо стала падать, по 1910–1915 гг. брутто-коэффициент понизился с 3,42 до 3,12, а нетто-коэффициент — с 1,53 до 1,49, цена простого воспроизводства населения, хотя и незначительно, понизилась с 2,24 до 2,10⁴⁸. Конечно, это был еще весьма далекий от совершенства режим воспроизводства, но прогресс очевиден. В столичных губерниях успехи были большими, особенно в Петербургской губернии, где до середины 1880-х гг. естественный прирост нередко был отрицательным не только в городе, но и в деревне.

Ход демографического перехода в 1841–1970 гг. по поколениям женщин отражает табл. 14.

Как можно видеть, с 1841–1845 гг. почти каждое поколение женщин улучшало демографические показатели и совершенствовало режим воспроизводства населе-

⁴⁷ Согласно расчету Е. М. Андреева и А. Г. Вишневого. См.: Воспроизводство населения СССР. С. 273.

⁴⁸ Подсчитано по: Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 482.

Таблица 14. Брутто- и нетто-коэффициенты и цена простого воспроизводства населения в Европейской России (1841–1915 гг.) и СССР (1920–1970 гг.)

Годы рождения матери	Коэффициент		Цена простого воспроизводства	Годы рождения матери	Коэффициент		Цена простого воспроизводства
	Брутто	Нетто			Брутто	Нетто	
1841–1845	3,33	1,45	2,30	1906–1910	1,78	1,05	1,70
1846–1850	3,36	1,48	2,27	1911–1915	1,37	0,88	1,56
1851–1855	3,44	1,53	2,25	1916–1920	1,20	0,87	1,38
1856–1860	3,46	1,56	2,22	1921–1925	1,10	0,92	1,20
1861–1865	3,46	1,58	2,19	1926–1930	1,07	0,96	1,11
1866–1870	3,50	1,62	2,16	1931–1935	1,05	0,98	1,07
1871–1875	3,39	1,59	2,13	1936–1940	0,98	0,94	1,04
1876–1880	3,33	1,58	2,11	1941–1945	0,93	0,89	1,04
1881–1885	3,02	1,45	2,08	1946–1950	0,90	0,87	1,03
1886–1890	2,67	1,31	2,04	1951–1955	0,92	0,89	1,03
1891–1895	2,68	1,35	1,99	1956–1960	0,91	0,88	1,03
1896–1900	2,55	1,34	1,90	1961–1965	0,83	0,81	1,02
1901–1905	2,23	1,25	1,78	1966–1970	0,76	0,74	1,03

Источник: Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 482.

ния. Цена простого воспроизводства уменьшилась с 2,30 у поколения 1841–1845 гг. рождения до 1,56 у последнего дореволюционного поколения женщин 1911–1915 гг. рождения. Это означает, что воспроизводство населения стало эффективнее в полтора раза ($2,30 : 1,56 = 1,47$). Для поддержания численности населения на постоянном уровне каждая женщина из поколения 1841–1845 гг. рождения должна была в среднем родить 2,3 девочки, а из поколения 1911–1915 гг. рождения — 1,56. Только через 100 лет, в 1946–1950 гг., цена простого производства приблизилась к единице: простое воспроизводство населения обеспечивалось рождением каждой женщиной одной девочки, что считается одним из важнейших показателей завершения демографического перехода.

Несмотря на рационализацию режима воспроизводства населения в России, в начале XX в. он все еще оставался обременительным. На рубеже XIX и XX вв. типичная русская женщина из непривилегированных слоев, вступившая в брак и прожившая с мужем до конца репродуктивного периода, в течение жизни рожала примерно семь раз. Жизнь женщин из непривилегированных сословий сводилась, по сути, к вынашиванию детей, уходу за ними, тяжелой домашней и полевой работе, так как мужчины были не в состоянии без их содействия прокормить семью. Женщины, принадлежавшие к привилегированным классам, рожали примерно столько же, но они, по крайней мере, получали квалифицированную медицинскую помощь и имели длительный послеродовой отдых, а не три дня, как простолюдинки. Традиционный режим воспроизводства народонаселения ложился тяжелым бременем и на мужчин, которым приходилось заботиться о содержании большого числа иждивенцев. Таким образом, выращивание нового поколения требовало от трудящих-

ся семей больших издержек, которые почти наполовину себя не оправдывали, поскольку около 50 % новорожденных не доживали до 6 лет. Подобные затраты тормозили экономическое развитие страны и задерживали повышение уровня жизни.

Позднеимперская демографическая модернизация затронула так называемые национальные окраины империи в разной степени: западные — значительно, до центральноазиатских и кавказских не дошла. В среднеазиатские регионы демографический переход пришел только в годы советской власти, но не завершился, а остановился в опасной фазе демографического взрыва. Ввиду сильного роста населения в республиках возник дефицит ресурсов, что превратило их в реципиентов и бенефициаров Советского Союза и стало важным фактором внутривнутриреспубликанских противоречий, способствовавших распаду Советского Союза.

Подведем итоги. В Европейской России в позднеимперский период произошла известная рационализация демографического поведения у значительной части населения, улучшились демографические показатели, несколько повысилась эффективность воспроизводства населения, гуманизируются внутрисемейные отношения, получил развитие (преимущественно в городах) индивидуальный контроль над рождаемостью. С 1860-х гг. постепенно и понемногу улучшались демографические показатели и совершенствовался режим воспроизводства населения. Цена простого воспроизводства уменьшилась с 2,30 у поколения женщин 1841–1845 гг. рождения до 1,56 у последнего дореволюционного поколения женщин 1911–1915 гг. рождения. Это означало, что воспроизводство населения стало эффективнее в полтора раза, поскольку для поддержания стабильности населения каждая женщина должна была рожать в полтора раза меньше девочек по сравнению с 1840–1850-ми гг. Все перечисленные изменения свидетельствуют о начале демографического перехода, или демографической модернизации, в России в последней трети XIX в.

Демографический переход в России начался раньше, чем принято думать. Произошло это у горожан *Петербургской губернии*, где явные признаки ограничения рождаемости, а также снижения смертности и брачности обнаружили уже в первой половине XIX в. Губерния оказалась в лидерах, потому что являлась самой урбанизированной и одной из самых космополитичных, а Петербург — самым космополитичным городом в России, имевшим интенсивные экономические и культурные связи с Западом, где демографический переход в конце XVIII в. начался во Франции, а с начала XIX столетия — в Англии. В России второй половины XIX в. демографическая модернизация распространилась на все городское население, а на рубеже XIX и XX вв. — на все сельское население России, но в разной степени в отдельных губерниях. Демографический переход в России проходил по французскому варианту, затронув сразу и рождаемость, и смертность, но смертность в несколько большей степени, что привело к увеличению естественного прироста населения. Впрочем, модернизация проходила неровно, с остановками, перерывами и даже временными отступлениями. Она стала необратимой с 1880-х гг. Улучшение демографических показателей произошло в результате прогресса медицины и санитарии, расширения бесплатной медицинской помощи, повышения культурного уровня населения, изменения демографического менталитета и начавшегося регулирования рождаемости, а также благодаря повышению уровня жизни широких слоев населения.

Уточнение хронологии и географии демографического перехода стало возможным благодаря, во-первых, разделённому анализу демографических процессов в городе и деревне, во-вторых, использованию более совершенных показателей — суммарного коэффициента рождаемости, стандартизированных коэффициентов рождаемости и смертности, брутто- и нетто-коэффициентов простого воспроизводства. Начало демографического перехода в России не было замечено исследователями по той причине, что демографические процессы изучались в целом по стране, без выделения города и деревни. При таком подходе городское население, составлявшее лишь 10 % в 1863 г. и 15 % — в 1914 г., информация о нём, будучи не вычленённой, терялась в общих сведениях о населении и понять специфику его воспроизводства представлялось затруднительным. Применение более совершенных демографических показателей помогло также открыть неизвестные демографические явления. Вопреки распространённым и почти аксиоматическим представлениям, реальная городская рождаемость оказалась ниже сельской в пореформенный период не потому, что в городах проживало специфическое по полу, возрасту и профессиям население, а потому, что горожане стали использовать контрацепцию. Действительная смертность горожан ввиду условий жизни, была выше, чем в деревне. Это говорит о том, что в деревне эти условия в экзистенциальном отношении были лучше, чем в городе. На наш взгляд, решению спорного вопроса о начале демографического перехода в Сибири также может помочь применение более тонких демографических показателей, на что справедливо указывал В. А. Исупов⁴⁹.

Демографическая революция стала тем редкостным явлением в истории России, когда передовые инновации вводились «не по манию царя», а добровольно и на индивидуальном уровне. Чтобы человек мог контролировать свою сексуальность и рождаемость, надлежащим образом заботиться о своём здоровье, ментально и фактически дифференцировать сексуальные, матримониальные и репродуктивные практики, он должен быть достаточно рациональным и культурно развитым. В этом смысле начало демографической революции можно считать знаковым явлением — признаком становления новой, активной личности.

References

- Afinogenov A. O. *Zhizn' zhenskogo naseleniia Riazanskogo uezda v period detorodnoi deiatel'nosti zhen-shchiny i polozhenie dela akusherskoi pomoshchi etomu naseleniiu*. St Petersburg, Tip. Shtaba Otd. korpusa zhandarmov Publ., 1903, 136 p. (In Russian)
- Almazov A. *Tainaia ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi tserkvi*, vol. 3. Odessa, Tip. Shtaba Odes. voen. okruga Publ., 1894, 424 p. (In Russian)
- Baranov E. Iu. *Sovremennye kontseptsii demograficheskoi istorii Rossii v XX veke*. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta*, 2015, no. 24 (379), *Istoriia*, vol. 66, pp. 215–221. (In Russian)
- Batkis G. A., Lekarev L. G. *Teoriia i organizatsiia sovetskogo zdravookhraneniia*. Moscow, Medgiz Publ., 1961, 351 p. (In Russian)
- Chlenov M. A. *Polovaia perepis' moskovskogo studenchestva*. *Russkii vrach*, 1907, no. 31–32, pp. 1072–1111. (In Russian)
- Chukhnin P. N. *K statistike vykidyshei i prezhddevremennykh rodov sredi narodonaseleniia Rossii*. *Trudy V s'ezda Obshchestva russkikh vrachei v pamiat' N. I. Pirogova*, vol. 1. St Petersburg, [s. n.], 1894, pp. 524–533. (In Russian)

⁴⁹ Исупов В. А. К вопросу о начальном этапе... С. 98.

- Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii, 1900–2000*. Ed. by A. G. Vishnevskii. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, 608 p. (In Russian)
- D'iachkov V. L. Trud, khleb, liubov' i kosmos, ili o faktorakh formirovaniia krest'ianskoi sem'i vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: *Sotsial'no-demograficheskaiia istoriia Rossii XIX–XX vv. Sovremennye metody issledovaniia*. Tambov, TGU Press, 1999, pp. 72–82. (In Russian)
- Dreksler K. I. *Predokhranitel'nye sredstva v sovremennom brake, ili kak predokhranit' sebia ot beremennosti, ne pribegaia k abortu*. Minsk, Avtor Publ., 1929, 103 p. (In Russian)
- Fedoruk N. S. *Naselenie Novgorodskoi gubernii v XIX — nachale XX v.: chislennost', demograficheskie protsessy, sotsial'naia struktura*. Velikii Novgorod, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Press, 2016, 318 p. (In Russian)
- Giliarovskii F. V. *Issledovanie o rozhdenii i smertnosti detei v Novgorodskoi gubernii*. St Petersburg, Tip. K. Vul'fa Publ., 1866, 664 p. (In Russian)
- Goncharov Iu. M. Nachal'nyi etap demograficheskogo perekhoda v gorodakh Zapadnoi Sibiri. *Etnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredel'nykh territoriiakh*. Ust'-Kamenogorsk, Librius Publ., 2009, pp. 109–121. (In Russian)
- Isupov V. A. K voprosu o nachal'nom etape demograficheskogo perekhoda v Sibiri. *Sibiriaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve*. Novosibirsk, NGPU Press, 2009, pp. 96–104. (In Russian)
- Isupov V. A. *Istoriia Zapadnoi Sibiri v kontekste demograficheskoi modernizatsii (1900–1950-e gody)*. *Istoricheskii kur'er*, 2020, no. 1 (9), pp. 140–153. (In Russian)
- Isupov V. A. K voprosu o nachale protsessa demograficheskogo perekhoda v Zapadnoi Sibiri. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2010, no. 1, pp. 12–16. (In Russian)
- Kabuzan V. M. *Emigratsiia i reemigratsiia v Rossii v XVII — nachale XX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1998, 268 p. (In Russian)
- Kanishchev V. V. Demograficheskii perekhod v rossiiskom agrarnom obshchestve vtoroi poloviny XIX — pervoi treti XX v.: sovremennye metody issledovaniia. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2016: Agrarnoe osvoinie i demograficheskie protsessy v Rossii X–XXI vv.*, no. 1. Moscow, 2016, [s. n.], pp. 210–223. (In Russian)
- Keppen P. I. *Neskol'ko slov po povodu vedomosti o narodonaselenii Rossii, sostavlennoi pri Statisticheskoi otdelenii Soveta MVD*. St Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1850, 15 p. (In Russian)
- Khanykov Ia. V. *Ocherk istorii meditsinskoi pomoshchi v Rossii*. St Petersburg, Tip. M-va vn. del Publ., 1851, 114 p. (In Russian)
- Korogodina M. V. *Ispoved' v Rossii v XVI–XIX vv.: issled. i teksty*. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2006, 489 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Blagosostoiianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii, XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Demograficheskaiia zagadka: umen'shenie chislennosti pomeschchich'ikh krest'ian v Rossii pervoi poloviny XIX v. *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniia kak istoriko-demograficheskii istochnik*. Barnaul, AltGU Press, 2007, pp. 164–176. (In Russian)
- Mironov B. N. Kul'turnyi kapital Rossii za tysiachu let. *Ekonomicheskaiia politika*, 2013, no. 1, pp. 62–95. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*, vol. 1. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2018, 896 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2019, 528 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie*. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 271 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Sotsial'naia mobil'nost' rossiiskogo kupechestva v XVIII — nachale XIX veka. *Problemy istoricheskoi demografii v SSSR*. Tallinn, AN ESSR Press, 1977, pp. 207–217. (In Russian)
- Novosel'skii S. A. *Demografiia i statistika (izbrannye proizvedeniia)*. Moscow, Statistika Publ., 1978, 269 p. (In Russian)
- Novosel'skii S. A. O razlichiiakh v smertnosti gorodskogo i sel'skogo naseleniia Evropeiskoi Rossii. *Obshchestvennyi vrach*, 1911, no. 4, pp. 42–62. (In Russian)

- Novosel'skii S. A. Obzor glavneishikh dannyykh po demografii i sanitarnoi statistike Rossii. *Kalendar' dlia vrachei vsekh vedomstv na 1916 god*, vol. 2. St Petersburg, K. L. Rikker Publ., 1916, pp. 14–93. (In Russian)
- Novosel'skii S. A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii*. Petrograd, Tip. M-va vn. del Publ., 1916, 208 p. (In Russian)
- Pilsudskii B. Rody, beremennost', vykidysyi, bliznetsy, urody, besplodie i plodovitost' u tuzemtsev ostrova Sakhalina. *Zhivaia starina*, 1910, vol. XIX, no. 73–74, pp. 22–48. (In Russian)
- Popov G. *Rusaskaia narodno-bytovaia meditsina: Po materialam etnograficheskogo biuro kn. V. N. Tenisheva*. St Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1903, 404 p. (In Russian)
- Ransel D. L. *Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia*. Princeton, Princeton University Press, 1988, 330 p.
- Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Statisticheskie ocherki*. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1956, 352 p. (In Russian)
- Sagaidachnyi A. N. *Demograficheskie protsessy v derevne Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography Press, 2000, 142 p. (In Russian)
- Sinkevich G. P. *Vologodskaia krest'ianka i ee rebenok*. Moscow, Leningrad, Gosmedizdat Publ., 1929, 90 p. (In Russian)
- Skubnevskii V. A., Goncharov Iu. M. *Goroda Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: Naselenie. Ekonomika. Zastroika i blagoustroistvo*. Barnaul, Azbuka Publ., 2007, 292 p. (In Russian)
- Tol'ts M. S. Brachnost' naseleniia Rossii v kontse XIX — nachale XX v. *Brachnost', rozhdanost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow, Statistika Publ., 1977, pp. 138–153. (In Russian)
- Vishnevskii A. G. Demograficheskaiia revoliutsiia meniaet reproduktivnuiu strategiiu vida Homo Sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 7–33. (In Russian)
- Vishnevskii A. G. *Izbrannye demograficheskie trudy*. Moscow, Nauka Publ., 2005, 368 p. (In Russian)
- Vosproizvodstvo naseleniia SSSR*. Eds A. G. Vishnevskii, A. G. Volkov. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1983, 303 p. (In Russian)
- Zhiromskaia V. B. Demograficheskii perekhod v Rossii i ego osobennosti. *Naselenie Rossii v XX veke*, vol. 3, part 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, pp. 269–278. (In Russian)
- Zverev V. A. *Liudi detnye: vosproizvodstvo naseleniia sibirskoi derevni v kontse imperskogo perioda*. Novosibirsk, NGPU Press, 2014, 275 p. (In Russian)
- Zverev V. A. Na zakate imperii, na zare demograficheskoi modernizatsii (1897–1917 gg.). *Demograficheskaiia istoriia Zapadnoi Sibiri (konets XIX — XX v.)*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Press, 2017, pp. 32–71. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 5 октября 2021 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: October 5, 2021

Accepted: June 8, 2022